

"Туфелька (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Мы с ним, как пара обуви. Только я кирзовый сапог, а он изящная туфелька на шпильке.

- Леш! – зову я его утром, уже выходя из ванной, проспит ведь, а мне по мозгам ездить будет весь день, вспомнит все на свете, еще расплатится.

Молчит. Ушел в сон, не откликается, типа не слышит.

- Леш!

- Аушки? – доносится из комнаты.

Проснулся. Теперь я чист. И «аушки» эти меня что-то из себя выводить стали.

- Встал?

- Пытаюсь.

- Вставай, посмотри на время.

- Димочка, я успею.

Димочка наливает себе чай и нарочно выдерживает паузу.

- Леш!!!

- Аушки?

- Каждый день одно и то же!

- Проснулся я! Давно уже!

Выходит из комнаты, лохматый, как черт, мягкий весь, теплый, в мятых длинных штанах с рисунком в галочку, чуть ли не наступают на них, идет ко мне и обнимает за шею. Черт, не трогай меня, мне-то раньше тебя выйти надо.

- Димочка...

- Я убежал.

Закрываю за собой дверь и уже мыслями в академии, уже около станка, уже с детьми.

В обед звоню ему, зеваю в трубку, на улице жарко, еще только начало августа, а листья на деревьях уже сварились.

- Привет, Леш.

- Привет.

- Занят?

- Занят.

- И сейчас?

- Продолжай...

Я люблю слушать, как он сопит в трубку, пытит, я помню, я знаю, как он при этом сдвигает брови и пытается работать, одновременно разговаривая со мной.

- Да я без причины позвонил.

- Не может быть, - тихо отвечает он.

- Ты мне не веришь?

Задел за живое. Ему сороковник, а верит сказанному, как ребенок, ну, вот буквально всему. Или он такой только со мной?

- Леш?

- Аушки?

- Откуда ты слово это взял?

- Какое?

И наверняка хлоп-хлоп темными ресницами. И тон какой-то раздраженный стал.

- Просто хотел узнать, как твои дела.

- Ты узнал, Дмитрий.

И трубку на базу жаж!, и руки в карманы, и давай мерить широкими шагами свой огромный кабинет, сдувая челку со лба. Секретаршу в расход, подчиненных по собственному, а дома застынут на пороге злоеющие метр восемьдесят девять, и что я делать буду?

И зачем я над ним издеваюсь? Еще курить бросит, совсем нервный станет. Надо исправляться, надо держать себя в руках.

Вечером идем на рынок, потому что моя Золушка захотела творожка от производителя и чего-нибудь с изумительным привкусом нитратов и теперь всплескивает руками около каждого прилавка, вводя в транс горячих небритых горцев и повышая своим развратным видом артериальное давление бойким продавщицам. А я иду сзади, постепенно обрастая пакетами, полными отборных краснодарских помидоров и палок - черт их дери ведь заставит есть вместо пива - сельдерея, а теперь его прижало к прилавку с виноградом, и продавец, совсем пацан, лет семнадцати, не сводит с него глаз, а глаза у продавца красивые, большие и черные.

- Сколько вам? - спрашивает пацан, и мой мужчина задумывается, слегка опустив голову. Темная челка закрывает половину лица, он смотрит на свой ботинок, а продавец ждет, медленно наматывая на руку пустой целлофановый пакет.

Ну ни фигя себе, он бы еще у Лешки в штанах гири для весов поискал.

- Два килограмма сделай, - угрожаю я, вплотную прижимаясь к Лешке, который наконец-то приходит в себя.

- Ладно.

Выходя из ворот рынка, я уже зол, как черт. Лешка с виноватым выражением лица идет рядом. Шпала несчастная, я же люблю тебя, а ты тут глазки строишь представителям союзных республик. Как дал бы...

Бросаю сумки в багажник, на него не смотрю, все, я обиделся. Садимся в машину, и тут Лешка медленно и нежно проводит рукой по моему колену, вызывая в глубине солнечного сплетения довольно противоречивые чувства.

- Ну, Дим, ты чего?

- Да потому что!

- Ну, я же вижу...

- Слушай, Леш...

- Аушки?

Я открываю рот, чтобы ответить, а он со знанием дела лезет целоваться. Хитрый и изворотливый, он прекрасно знает, от чего начинают путаться мои мысли. Противоречивые чувства спускаются из солнечного сплетения ниже, туда я уже смысл не вкладываю, так как в абстракционизме разбираюсь плохо. Домой, немедленно, не заезжая к Президенту на кофе и минуя все условности, но в этот момент в лобовое стекло нашей "Ауди" впечатывается веселая поддатая рожа лет тридцати с криком:

- О*уели совсем!!!

Я не успеваю ничего сделать, а моя принцесса уже выламывается из машины и хватается пытающуюся ускориться рожу за красную майку.

- Леша, нет! - вылетает из меня вопль бабы Степаниды, провожающей кургузого супруга Захара в дальний путь до сельпо в день получки. - Леша, прошу тебя!.. Руки... руки береги!

Леша моя - врач Высшей категории, детский челюстно-лицевой хирург, кандидат медицинских наук, имеющий личный кабинет и натопанное место около персональной рентгенологической установки. Его руки надо было застраховать на сумму, превышающую ту, которую вы платят Дженнифер Лопес, если из ее пятой точки сделается многоточие, потому что на каждого ребенка Лешка надыхаться не может, и руки... ой, как он его, господи!

Драка моментально обросла красочными подробностями. Лешка приподнял над землей извивающегося врага, схватив в кулак красную майку на его спине. Несчастный пытался лягаться, но Лешка еще к тому же и спортсмен, постоянно демонстрирующий мне свои бицухи, на которых, в принципе, я не прочь был бы повиснуть даже сейчас.

- Ой! Ой! - кричал маечный, рассекая шортами знойный тяжелый воздух.

Лешка внимательно рассматривал экземпляр, только что отловленный на стоянке. Взгляд серых глаз определял биологический вид жертвы.

- Дим, - спросил он вдруг. - Ты это видишь?

- Вижу, - ответил я. - Отпусти его, пожалуйста.

- Да! Пусти меня! – дернулся человечек, и Лешка разжал пальцы.

Огрызок отскочил метров на пять в сторону, проделав этот неблизкий путь на идеально полусогнутых, но увидев, что чокнутый высокий мужик не собирается его преследовать, расправил плечи, рванул головой и выслал в нашу сторону смачный плевок, который, не добрав потенциала при безветренной погоде, попал на его собственные шорты.

- Ах, ты еще ядом плеваться...

- Леша.

- Что?!!

Ой, мама. Я быстро залез обратно в салон. Лучше отсижусь в окопе, чем танцевать сиртаки перед пастью огнедышащего дракона.

Позора мелкий гомосапиенс не вынес и, замысловато задевая тазобедренными суставами бамперы припаркованных машин, постепенно исчез из вида.

Леша медленно развернулся к машине лицом и, заслонив собой солнце, стал приближаться. Я трусливо повернул ключ в замке зажигания, и, когда разозленный челюстно-лицевой хирург рухнул на пассажирское сиденье, втопил с места, а рыночный охранник, впечатлившийся увиденным и от страха потерявшийся в реальности, некоторое время бежал рядом с нашей машиной, крича что-то, как ненормальный, о какой-то платной стоянке.

Дома Лешка не успокоился. Завелся так, что я готов был с ним расстаться исключительно из-за ради собственной безопасности. Ведь такой запросто мне с лицом что-то сделает, правда, в силу профессии, он же мне его потом и поправит. Лешка остерневело срывал черные ягоды с виноградных веточек, и глаза его метали молнии.

- Нет, ну надо же!!!

- Тиш, тиш, тиш...

- Я те дам «тиш»!

Попытавшись затеряться в недрах двухкомнатной хрущевки, я потерпел неудачу. Оказывается, моему неистовому захотелось на фоне произошедшего инцидента доказать соседям и самому себе, что мы тоже вроде бы как люди, и вообще имеем полное право, а не только оно нас, и происки врагов в красных майках никак не смогут остановить его, Лешкино, желание процветать и здравствовать со мной прямо тут, прямо сейчас и прямо поперек журнального столика.

Глупо бить себя бровью в глаз, доказывая самому себе, что ты добытчик, охотник и развратник. Глупо утверждать также и обратное, потому что Лешка устроил нам такие олимпийские игры, увидев которые, боги бы точно скovyрнулись вниз башкой с собственного сознания, а заодно и с одноименной горы, где они постоянно торчат.

Ах, как же мне нравилось, когда Лешка был таким, *ука, бля*ь!!! Чапаевым, Сталиным и Человеком-Пауком в одном лице. Адвокатом, прокурором и секретарем судебного заседания. Президентом и премьер-министром. И сверху, и сзади, в живот или в пальцы... неважно, потому что я от него просто о*уевал!

Итогом добровольного заточения нас с Лешкой друг в друге явился раздавленный нахер пульт от телевизора (пи*дят китайцы насчет добротного сделанного, если не сказать грубее), негнущаяся Лешкина спина и мои ноющие колени. Все это без комментариев, конечно.

Когда мы улеглись спать, я подумал, что вот таким я бы и хотел видеть его всегда. Грубым, сильным и «а ну-ка ко мне быстро, *ука!», чем таким, каким он был до этого. И откуда в нем это? Скрывался, да? Стеснялся показать мне, какой он насильник и террорюга? Боялся признаться, что стыренные у ментов наручники были бы лучшим подарком, чем та поездка в Лондон за неделю до Рождества? Ох... да я мечтал, а ты таким ангелом казался...

- Сволочь... - ласково поцеловал я его в спину и закрыл глаза. Я был счастлив.

Все, баста, нежность и осторожность актуальнее на пенсии, когда мы с ним будем, как два таких сморщенных, а теперь мы заживем по-другому, я это точно знал.

Утром я наливал ему чай и вспоминал предыдущий вечер. Искры из глаз, некоторые болевые ощущения, внезапное "На колени!", два сильных (а че, мы рельефные...) тела на белом ковре в центре комнаты посреди обломков журнального столика... Я улыбнулся, я знал, что мой мужчина властный, сильный, мужественный и даже грубый.

Бросив в Лешкину чашку пару кусочков сахара, я крикнул в глубину коридора:

- Леш, вставай!..

И замер, ожидая, что из комнаты раздастся львиный рык и Лешка, завалив по пути ко мне пару носорогов, проломит стенку между комнатой и кухней. И когда я услышал тихое и нежное:

- Аушки?..

я понял, что кому-то, может быть, еще и есть, что терять, ну а я, кажется, уже похерил все, включая стыд, мечты и надежду.

Тьфу ты...